

Ю. В. Костяшов

БОРЬБА СЕРБОВ В АВСТРИИ ПРОТИВ УНИИ В XVIII ВЕКЕ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 09.04.2023 г.

Принята к публикации 20.04.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-6

53

Для цитирования: *Костяшов Ю. В.* Борьба сербов в Австрии против унии в XVIII веке // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №2. С. 53—63. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-6.

Рассматривается положение сербского народа и православной церкви под властью Австрии со времени окончания войны Священной лиги с Турцией в конце XVII в. до эпохи йозефинизма. Переселившиеся в Австрию сербы с самого начала стали испытывать ассимиляторскую политику властей, главным инструментом которой было навязывание сербам унии с римско-католической церковью. Источниками для исследования послужили нормативные и распорядительные акты органов власти разного уровня, решения сербских народно-церковных соборов, официальная и частная корреспонденция, а также не публиковавшиеся ранее дипломатические документы из фонда российского посольства в Вене. В статье выявляются основные направления политики государства и римско-католической церкви по отношению к сербам и анализируется реакция последних на попытки заставить их принять унию. Делается вывод, что наибольшее сопротивление унии оказали жители городов, тогда как православные архиереи проявляли большую склонность к компромиссу с властями. В борьбе против унии сербы пытались заручиться поддержкой крупнейшей православной державы. Россия, со своей стороны, оказывала сербам помощь, причем ее объем во многом определялся позицией и личными взглядами на «сербский вопрос» русских послов в Вене. В заключение подчеркивается, что благодаря активной позиции сербского городского сообщества и протекции со стороны России австрийским сербам удалось на протяжении всего XVIII в. сохранять приверженность вере предков и самостоятельность своей церковной организации, что стало залогом сохранения их национально-культурной идентичности в чуждом инонациональном окружении.

Ключевые слова: Австрийская монархия, Россия, сербы, православная церковь, борьба с унией, Карловицкая митрополия, XVIII век

Балканы всегда были объектом особого внимания со стороны римско-католической церкви, а с созданием в 1622 г. при папской курии конгрегации пропаганды веры деятельность католических миссий охватила и сербские земли под властью Турции [31, с. 164—166]. Но наиболее активный период «униачения» сербов пришелся на XVIII век, когда значительная часть сербского народа в результате Великой турецкой войны 1683—1699 гг. оказалась в составе Австрийской монархии.

И хотя изучение сопротивления унии со стороны православных подданных Габсбургов еще далеко от завершения [16, с. 220–221], в сербской историографии сложился консенсус относительно негативной роли римско-католической церкви в истории сербского народа [23, с. 161–165]. Отношение австрийских властей к некатолическим христианским конфессиям в XVIII в. (не только к православным, но и к протестантам) нередко характеризуется как «политика религиозного террора» [15], а конечной целью Вены считается «полное подчинение сербской церкви государству» [24, с. 32–35]. Есть и попытки оспорить эту точку зрения, хотя они исходят не от историков, а от специалистов из смежных областей гуманитарного знания [28, с. 193–197].

Целью настоящей статьи является определение содержания религиозной политики Габсбургов по отношению к православным сербам на протяжении XVIII в. и характеристика реакции духовенства и мирян в связи с попытками навязать им унию. В качестве источников использованы акты австрийских органов власти разного уровня, постановления сербских народно-церковных соборов, официальная и частная переписка, а также документы Архива внешней политики Российской империи (реляции и депеши русских послов в Вене, касающиеся сербов рескрипты царей, документы Коллегии иностранных дел [1]).

Продвижение сербов под натиском турок-османов на север привело к созданию в XVI–XVII вв. сербских православных епархий в Хорватии, Венгрии и Далмации [22, с. 8–9; 30, с. 87–88]. Одним из последствий Карловицкого мира 1699 г. было разделение Печской патриархии: большая ее часть осталась в Османском царстве, а расположенные к северу от Дуная и Савы сербские епархии оказались под властью Габсбургов. С согласия австрийского правительства на этих землях в 1708 г. была учреждена Карловицкая митрополия (во главе с переселившимся сюда из Турции патриархом Арсением Черноевичем), в состав которой вошли 7 епархий с православным населением Австрийской монархии. При этом связь новообразованной митрополии с Печью ограничивалась сугубо каноническими вопросами, тогда как в административно-церковном отношении она была совершенно самостоятельной [6, с. 367; 7, св. 1, с. 62–63; 30, с. 105–106].

О положении сербской церкви под властью Габсбургов в начале XVIII в. можно судить по «Тайной записке» 1706 г. венгерского кардинала Леопольда Колонича, адресованной Иосифу I в ответ на жалобу патриарха об ограничениях в вере и притеснениях православных. Из нее узнаем, что власти установили почти полный запрет на возведение сербами новых церквей, а относительно старых, построенных еще при турках, они должны были предъявить «письменные доказательства» [9, с. 5–12]. Ссылаясь на условия функционирования православной церкви в Турецком царстве, кардинал призывает монарха не допускать выборов православных архиереев, включая и самого главу церкви, клиром и народом, а также запретить патриарху и епископам вмешиваться в мирские дела. И даже нижайшая просьба не называть сербов «срамным

именем шизматиков» была решительно отклонена, так как именно такого наименования, по мнению кардинала, достойны раскольники, изменившие католической вере [Там же, с. 13–14].

Однако более всего автор «Тайной записки» был озабочен стремлением новых австрийских подданных отстаивать веру своих предков и независимость собственной церковной организации. Вспомнив о главной проблеме в национально-государственном строительстве монархии Габсбургов — венгерском сепаратизме, он предупреждает об опасности обрести еще одного носителя подобных устремлений в лице сербов. Вот почему, по его мнению, следовало бы приложить максимум усилий, чтобы этот «варварский» народ «без большого шума» вернуть в лоно римской церкви, тогда как автокефалия Карловицкой митрополии была бы «совершенно противна интересам государства». Не иначе как «величайшей наглостью» он называет распространенную между «пребывающими в слепом тупоумии» сербами практику изгонять из своих рядов любого епископа или священника, осмелившегося принять унию, и рекомендует Иосифу I установить за такие действия строжайшее наказание [Там же, с. 18–22].

Несмотря на предпринятые усилия, священники-коллаборационисты раз за разом изгонялись слаженными действиями православной паствы. Этому не препятствовали даже налагаемые на приходские общины весьма внушительные штрафы [4, с. 59–63, 427–432, 435–436, 440–441; 7, св. 2, с. 195]. Показательна в этом отношении история принявшего в 1728 г. унию попа Михаила из окрестностей Пожаревца. Узнавший об этом митрополит Моисей решил не поднимать шума, чтобы «не было нам потом разных упреков». Однако местные православные активисты советам Моисея не последовали и вместе с гайдуками проучили Михаила — «схватили, связали и били», тем самым «от римского закона отучали» [5, с. 169, 171–174].

Не увенчались успехом и попытки внедрения католического богослужения в православных храмах явочным порядком, а во время походов «римских фратров» по домам для благословения жителей и окропления жилищ святой водой неблагодарный народ разбегался или «прятался под своими кроватями» [17, с. 132].

Затяжной и упорной оказалась борьба с унией, которую пришлось вести сербским граничарам (военным поселенцам) в трех православных епархиях на территории Хорватии — ее власти не считались с дарованными Леопольдом I привилегиями переселенцам из турецких земель. Бастионами православия в сербских анклавах стали 10 монастырей, которые являлись своеобразными хранителями религиозной идентичности и самобытных культурных традиций в чуждом католическом окружении [12, с. 9–33].

На протяжении почти всего XVIII в. продолжалась борьба за монастырь Марча — самую большую сербскую обитель, которую католический клир и власти Хорватии хотели сделать главным центром пропаганды и распространения унии в населенных сербами областях. По этому поводу монахи соседнего монастыря Лепавина в 1717 г. жалова-

лись, что назначенные латинянами священники-униаты вот уже несколько десятилетий «едят нас поедом» [29, с. 36]. А когда в 1738 г. Вена в очередной раз издала распоряжение о передаче Марчи в руки униатского епископа, монашеская братия в ожидании прибытия новоназначенца устроила в обители пожар, заранее перевезя книги, рукописи и все ценные вещи в надежное укрытие — находившиеся по соседству Северинский и Лепавинский монастыри [8; 10, с. 17–60].

«Государственный смысл» соединения своих новых подданных с римской церковью, по мнению Вены, состоял в том, что уния должна была стать не только барьером на пути возникновения сепаратистских настроений, но и эффективным способом смягчения «варварских нравов» и последующей интеграции православных сербов в государстве Габсбургов.

Навязывание унии осуществлялось по нескольким направлениям. Прежде всего власти пытались заставить сербов придерживаться григорианского календаря, распространяя его действие и на церковную жизнь. При этом католические праздники считались обязательными для сербов, а уклонение от участия в них наказывалось битьем розгами. Упорство правительства в этом вопросе объяснялось тем, что религиозная жизнь народа протекала в основном в русле церковных праздников и различия по времени их проведения служили существенным маркером, отличавшим сербов от «господствующих». Депутаты народно-церковных соборов Карловицкой митрополии в 1730 и 1732 гг. обращались к самому Карлу VI с просьбой освободить православных от участия в католических праздниках и не привлекать под угрозой штрафов и лишения свободы к общественным работам в дни, которые в старом юлианском календаре отводятся для церковных праздников, так что «времени совсем не остается, чтобы заработать себе на пропитание» [11, с. 23–24; 21, с. 283, 286–287].

Серьезной проблемой для сербской церкви стали запреты на образование новых приходов, строительство и ремонт храмов. Даже для установки нового колокола приходилось испрашивать разрешение и согласовывать свои действия с большим числом государственных институций, включая центральные органы власти. Карл VI, со своей стороны, в адресованном сербам указе 1722 г. специально подчеркнул, чтобы под видом ремонта сербы не вздумали бы «затевать перестройку храмов, а тем более новое строительство» [3, с. 11–13, 18–20, 32–33, 38–42, 81; 18, с. 113]. «Сколько же душ из-за этого умирают как животные без крещения», — жаловался на этот счет сербский архиепископ В. Йованович [5, с. 222].

Австрийские власти не только зорко следили за деятельностью православного клира, но и бесцеремонно вмешивались в дела православной церкви, препятствуя назначению епископов и других духовных лиц, каковых считали не вполне лояльными. Сербским архиереям запрещалось совершать пастырские поездки; фактически был ликвидирован институт церковного суда [5, с. 241; 18, с. 144]. Насмешки и оскорбления со стороны немцев и венгров по поводу православных обрядов,

а также манеры сербов молиться и бить поклоны были столь частыми, что, например, православная община Буды обратилась в 1720 г. в магистрат с жалобой на такое поведение католиков и протестантов, которое «не согласуется ни с какими обычаями, ни приличиями» [26, №1, с. 257–258]. Впрочем, эта жалоба, как и многие другие обращения сербов, осталась без ответа.

Большое значение в распространении унии отводилось образовательной сфере, обучению сербов латинскому языку через специальные школы (конвикты), приобщению их к основам немецкой культуры [14, с. 712; 21, с. 257; 22, с. 480–481]. Для сербов открытие своих национальных школ было приоритетной задачей. С этой целью в приходских храмах устанавливались специальные «школьные кассы» для сбора пожертвований [20, с. 175], вопрос о обучении детей «по-сербски» обсуждался практически на каждом народно-церковном соборе, а в текст присяги карловицких митрополитов по предложению светских депутатов в 1731 г. был включен наказ «о школах чрезвычайное попечение иметь» [27, с. 300, 305].

В проведении курса на внедрение унии и светские власти, и римское духовенство рассчитывали заполучить на свою сторону в первую очередь высший православный клир. В источниках первой половины XVIII в. имеется немало упоминаний о принятии унии целым рядом православных архиереев (правда, преимущественно ссылались на циркулировавшие слухи). Известно и о переговорах об унии, которые время от времени вели некоторые из сербских митрополитов в Вене [18, с. 168; 19, с. 463; 21, с. 258].

В начале 1730 г. митрополит М. Петрович через русского посланника в Вене Л. Ланчинского передал сообщение императрице Анне Ивановне об угрозах и давлении, которое оказывают на него в Вене, обещая ему, с другой стороны, при принятии унии звание кардинала, а народу — «немалое почтение, свободы и привилегии», а также «школы и учения». По словам митрополита, он отказался от кардинальской мантии, но теперь опасается за свою жизнь и рассчитывает при наихудшем раскладе все бросить, бежать из Австрии в Россию, дабы не пришлось «умереть в некоем заключении» [1, оп. 1, 1730 г., д. 8, л. 2–3, 5–8].

Оценивая позицию руководства Карловицкой митрополии по вопросу об унии, следует подчеркнуть, что заключение сделки в этом вопросе оказалось невозможным прежде всего вследствие непреклонной позиции православной паствы, в первую очередь жителей различных городов в Центральной и Южной Венгрии, где имелись многочисленные и влиятельные сербские общины. Эта позиция была ясно обозначена еще на соборе 1708 г., когда светские депутаты, представлявшие сербов из Буды, настояли на принятии решения, что каждого соединившегося с римской церковью священнослужителя следовало лишать сана и изгонять из своей среды. На соборе 1726 г., который проходил в обстановке распространявшихся слухов о тайных переговорах руководства Карловицкой митрополии по поводу принятия унии, объединенная «фракция» горожан предупредила «духовное сословие», что в слу-

чае измены православию народ откажется считать архиереев своими церковными предводителями [26, №1, с. 98, 101, 287]. Еще через пять лет, в ходе собора 1731 г., миряне настояли, чтобы новоизбранный митрополит Викентий Йованович поклялся оставаться верным вере предков «до последнего издыхания» и подлежал отлучению от церкви, если не устоит перед «диавольским наваждением» [26, №2, с. 104 – 105].

Отстаивая свое право на церковную и национально-культурную самостоятельность, сербы в Австрии пытались заручиться поддержкой и протекцией со стороны единой Российской империи. Однако в Петербурге к этим обращениям длительное время относились довольно прохладно. По составленной в 1727 г. рекомендации Коллегии иностранных дел, к таким обращениям следовало относиться «с благорассудною предосторожностью», а именно «руку помощи подать», но ни в коем случае не допустить ухудшения отношений с австрийским двором [1, оп. 1, 1727 г., д. 10, л. 1 – 2].

Такой подход не в последнюю очередь сформировался под влиянием российского посланника поляка Людвика Ланчинского, безвыездно пребывавшего в Вене три десятилетия с 1720 по 1751 г. [13]. Для него потоки жалоб сербов на притеснения, в которых положение православных в Австрии рисовалось самыми черными красками и иногда снабжалось довольно фантастическими подробностями, составляли, пожалуй, постоянную «головную боль». Ланчинский регулярно получал высочайшие рескрипты с требованием защитить единоверцев, да и сам осознавал, что великая православная держава не могла делать вид, что не слышит эти стоны о помощи братьев-славян.

Сначала посланник отделялся отписками, уповая на то, что «дело это деликатное» и его «зело искусно трактовать надобно, дабы вместо пользы не произошло умножение вреда». Потом он отважился откровенно заявить, что не усматривает в действительности тех тягостей, которые якобы наносятся сербам. Не раз Ланчинский рассказывал о так называемых «Леопольдовых привилегиях», с конца XVII в. определявших права и юридический статус сербов в Австрии, и даже пересылал в Петербург все их тексты с переводами, а впоследствии не раз отмечал «подтверждение и умножение оных» [1, оп. 1, 1729 г., д. 5, л. 255; 1731 г., д. 5, л. 185; 1734 г., д. 3, л. 1 – 35; 1743 г., д. 3-а, л. 236].

Будучи католиком, Ланчинский едва скрывал свою неприязнь к православному клиру. В своих репортажах он не уставал повторять, что сербы сами «меж собой согласия не имеют», а их предводители все время «живут в распре и междоусобии», что вера многих из них ненастоящая и только «в постах и крестах состоит». Высший клир, по его словам, только и думает, как бы народ в покорности и «слепой простоте» удерживать. А если среди сербов появляется какой-нибудь ученый муж, то «его выживают, дабы в проповедях народу глаз не раскрыл» [Там же, оп. 1, 1743 г., д. 3 л. 370 об.; 1745 г., д. 4, л. 470 об.; д. 5, л. 112 об.]. Похоже, что дипломат был искренне убежден, что постоянное будирование Россией сербского вопроса, на его взгляд, очень незначительного, способно если не совсем испортить, то сильно осложнить австро-русские отношения.

Эта осторожная позиция русской дипломатии существенно изменилась после того, как послом в Вену в 1750 г. был назначен Михаил Петрович Бестужев-Рюмин. Новый посол сразу установил тесные контакты со светскими и духовными предводителями сербов, взял на себя роль защитника и стал настойчиво ходатайствовать за них перед Елизаветой Петровной. Кроме того, Бестужев-Рюмин с большим энтузиазмом занялся организацией переселения всех желающих сербов из Австрии в Россию [Там же, оп. 1, 1750 г., д. 3, л. 268–272 об.]. Благодаря его стараниям на украинских землях возникли Новая Сербия и Славяно-Сербия — целые области с выходцами из Австрии, что способствовало укреплению южных границ империи [2].

Однако массовые миграции сербских подданных Габсбургов в Россию к началу 1750-х гг. серьезно омрачили отношения русского и австрийского дворов. Ответственным за этот дипломатический провал посчитали посла в Вене Михаила Бестужева-Рюмина. Канцлер и родной брат посла Алексей Петрович в письме по этому поводу императрице Елизавете назвал сербский вопрос «сущей безделицей» для двух союзных государств, из-за которого «приводить в малейшую холодность» взаимное понимание и дружбу «есть дело людей если не злых, то по крайней мере слепых; это бы значило из-за рубля потерять сто рублей» [25, с. 134]. В таких обстоятельствах оставаться при венском дворе Бестужев более не мог. На должности посла его сменил пользовавшийся полным доверием канцлера барон Герман Кейзерлинг, а обиженный учиненной по отношению к нему несправедливостью Михаил Петрович в письмах доверенным лицам назвал своего преемника человеком мягкотелым, ленивым и испорченным, открыто выражая опасения, как бы он по сербским делам «не стал шильничать» (мошенничать. — Ю. К.) в угоду немцам [Там же, с. 124].

Смена посла на первых порах благоприятно сказалась на австро-русских отношениях. Кейзерлинг постарался приглушить страсти вокруг миграции сербов. Явно сократилось количество визитеров в посольство, которое в бытность там графа Бестужева временами напоминало переселенческую контору. Сам посол редко принимал желавших переселиться в Россию сербов и всегда делал это «скрытным образом». Была также засекречена дипломатическая переписка: в Коллегии иностранных дел согласились с его предложением, чтобы «впредь отправляемые рескрипты о сербских делах в шифрах (шифром. — Ю. К.) писаны быть могли» [1, оп. 1, 1759 г., д. 5. л. 5].

Между тем царица Елизавета непременно хотела восстановить начатую Петром I политику поддержки зарубежных православных народов. Она неустанно требовала от своего посла в Вене вступаться за единомышленников, положение которых в Австрии представлялось ей просто катастрофическим, что следовало из поступающих к ней из Цесарии сербских грамот. Особенно ее поразил описанный в одной из жалоб закон, будто бы принятый в 1754 г., согласно которому православные сербы, выступающие против унии, осуждались на смертную казнь через повешение или четвертование. Большое впечатление производили и карти-

ны произвола латинян, которые, как следовало из писем, строят всяческие козни, постоянно препятствуют службе в греческих храмах, изгоняют из них верующих, оскверняют православные святыни и не останавливаются даже перед тем, чтобы «на олтари взлазить» и устраивать такие непотребства, «кои и в законных супружествах там не дозволяются» [Там же, оп. 1, 1757 г., д. 7-с, л. 169–173 об.].

На основании такого рода жалоб по указанию императрицы в КИД была составлена обширная нота протеста в адрес австрийских властей, которую в конце 1757 г. российский посол передал канцлеру Кауницу. В ответ последний заявил, что закон о казнях для верующих греческого обряда никогда не существовал, а другие обвинения назвал «бесстыдной ложью». Кейзерлинг чувствовал себя неловко, так как вынужден был признать, что к реальным фактам притеснений сербские просители склонны были прибавлять самые разные небылицы и фантастические подробности, которые столь безотказно действовали на чувствительную русскую царицу [Там же, оп. 1, 1757 г., д. 7-с, л. 174–179].

Понимая, что подобные демарши ничем не помогут сербам и лишь осложнят отношения с Габсбургами, и будучи дипломатом с системным мышлением, Кейзерлинг предложил подвести под политику покровительства России над православными в Австрии прочную юридическую основу.

Свои предложения по «сербскому вопросу» он впервые сформулировал в реляции царице 16 (27) сентября 1758 г., высказав мнение, что вопрос о соблюдении всех «правостей и привилегий» исповедников греческой веры следовало бы поставить на обсуждение с австрийским правительством «при будущих мирных переговорах», то есть в ходе переговоров о мире по завершении шедшей в то время Семилетней войны, либо включить пункт о «свободном отправлении их Божией службы» и обучении в собственных школах при заключении иных межгосударственных трактатов. Тем самым у России «для передуполучения право требовать того по силе договоров, чего ныне и просить едва позволяется» [Там же, оп. 1, 1758 г., д. 7, л. 315].

Обосновывая свою идею, он в качестве примера приводил трактаты Петра I с Речью Посполитой, в которых русский царь отстаивал свое право покровительствовать православным диссидентам в Польше [Там же, оп. 1, 1758 г., д. 7, л. 315 об.]. В реляции от 26 декабря 1758 г. (6 января 1759 г.) предложение посла получило окончательное оформление и аргументацию. К уже упомянутым требованиям Кейзерлинг считал необходимым добавить то, что право российского покровительства над единоверцами должно быть утверждено не только Веней, но и «от всех высоких содоговаривающихся сторон вообще и особливо гарантировано было». И впредь, считал посол, при выработке договоров о союзе со всеми державами следовало бы всякий раз включать в них «сей артикул», тем самым можно будет добиться пресечения злоупотреблений со стороны венского, турецкого или иных дворов, а «Россия отворит себе путь к сообщению с живущими в здешних землях исповедни-

ками греческой веры», а «через сие самое российская знатность и партия как здесь, так и в отдаленнейших местах умножаться станет» [Там же, оп. 1, 1758 г., д. 7-а, л. 210–211].

Проект Кейзерлинга, судя по некоторым пометам на оригиналах его реляций, не остался незамеченным, но и реализован не был. Мирные переговоры, на которых посол и предлагал поставить «сербский вопрос», состоялись только через несколько лет. К этому времени о проекте успели забыть, да и сам Кейзерлинг уже служил в другом месте и занимался совсем другими проблемами.

Между тем облегчение в положении сербской православной церкви в Австрии наступило лишь в эпоху йозефинизма. Среди реформ Иосифа II одним из первых был обнародован патент о веротерпимости 1781 г., которым христианам, не принадлежавшим к римско-католической церкви, были дарованы гражданские права. Для православных сербов этот акт означал прекращение десятилетиями осуществлявшегося государством Габсбургов курса по подчинению Карловицкой митрополии папскому престолу и склонению сербов к унии.

Сообщивший эту новость в Петербург посол князь Д. М. Голицын, который к тому времени уже 20 лет занимал этот пост в Вене, едва ли не с восторгом писал о пролившихся на православных подданных австрийского цесаря милостях, которые отныне дают им возможность открыто и безопасно исповедовать старинную веру своих предков [Там же, 1781 г., оп. 6, д. 640, л. 64].

С конца XVII в. на протяжении почти целого столетия часть сербского народа, оказавшаяся в составе Австрийской монархии, находилась под жестким прессом принуждения к признанию власти папы со стороны государства, венгерских и хорватских властей, а также латинского клира. С точки зрения правящей бюрократии и католических прелатов навязывание унии было наиболее действенным инструментом «цивилизации» — по сути, ассимиляции — этого «своенравного и дикого народа».

И все-таки сербы сумели противостоять ассимиляторскому курсу Габсбургов. Наиболее активными противниками принятия унии были не православные архиереи, а широкие слои верующих мирян, прежде всего представители «городского сословия», которые играли важную роль на народно-церковных соборах. В своей вере, в существовании автокефальной Карловицкой митрополии они видели гарантию сохранения своих прав как отдельного, самостоятельного этнического меньшинства в чуждом инонациональном и религиозном окружении, а также залог сохранения связи с покинутым ими Отечеством.

Список источников и литературы

1. *Архив* внешней политики Российской империи. Ф. 32 (Сношения России с Австрией).
2. Бажова А. П. Из югославянских земель — в Россию // Вопросы истории. 1977. № 2. С. 124–137.

3. *Гавриловић С., Јакишић И.* Грађа о православним црквама Карловачке митрополије XVIII века. Београд, 1981.
4. *Гавриловић С., Јакишић И.* Извори о Србима у Угарској с краја XVII и почетком XVIII века. Београд, 1987. Књ. 1.
5. *Грађа за историју Београда од 1717 до 1739.* Београд, 1958. Књ. 1.
6. *Грујић Р.М.* Автокефалност Карловачке Митрополије // Гласник Историјског друштва у Новом Саду. 1929. Књ. 2, св. 3. С. 365—379.
7. *Грујић Р.М.* Проблеми историје Карловачке митрополије // Гласник Историјског друштва у Новом Саду. 1929. Књ. 2, св. 1. С. 53—65; св. 2. С. 194—204.
8. *Грујић Р.М.* Пропаст манастира Марче. Загреб, 1909.
9. *Како се поступало са српским молбама на двору ћесара австријског.* Нови Сад, 1906.
10. *Кашић Д.* Отпор марчанске унији. Аранђеловац, 1986.
11. *Кашић Д.* Срби и православље у Славонији и Северној Хрватској. Загреб, 1967.
12. *Кашић Д.* Српски манастири у Хрватској и Славонији. Београд, 1971.
13. *Костяиов Ю.В.* Российский посланник в Вене Людвик Ланчинский (1721—1757) // Проблемы истории международных отношений в новое время. Смоленск, 2002. С. 150—158.
14. *Кудрявцев А.* Церковный вопрос в Австрии // Христианское чтение. 1870. № 4. С. 709-740.
15. *Марјановић Ч.* Историја српске цркве. Београд, 2001.
16. *Милтојевић М.* Српска историографија о унијаћењу Срба у седамнаестом веку // Историографија и савремено друштво. Ниш, 2014. С. 220—230.
17. *Михаљчић С.* Привредна снага српског народа у прошлости // Браство. 1932. Књ. 26. С. 126—145.
18. *Мојсије Петровић,* митрополит београдски. 1713—1730 // Споменик Српске Краљевске Академије. 1898. №34. С. 81—200.
19. *Око сабора у Карловци 1715* // Гласник Историјског друштва у Новом Саду. 1930. Књ. 3, св. 3. С. 463—465.
20. *Правила епископа Висариона Павловића* // Беседа. 1868. №22. С. 175—176.
21. *Прилози за историју Срба у Угарској у XVI, XVII и XVIII век.* Нови Сад, 1908.
22. *Радонић Ј.* Римска курија и јужнословенске земље од краја XVI до XIX века. Београд, 1950.
23. *Раковић А.* Кратак преглед улоге римокатоличке цркве у нарушавању српске државности и разбијању југословенске државности // Национални интерес. 2018. №3. С. 159—174.
24. *Слијепчевић Ђ.* Историја српске православне цркве. Београд, 2002. Књ. 2.
25. *Соловьев С. М.* Соч. М., 1994. Кн. 12.
26. *Споменици из будимског и пештанског архива.* Београд, 1873. №1—2.
27. *Српски народни сабор месеца маја 1730 у Београду* // Летопис Матице Српске. 1872. Књ. 113. С. 294—309.
28. *Тодоровић Д.* Верски плурализам у јужнословенским земљама: историјат и садашњост // Годишњак за социологију. 2005. №1. С. 187—205.
29. *Три писма калуђера из манастира Лепавина* // Старинар. 1891. №1-2. С. 34—44.
30. *Чубриловић В.* Одабрани историјски радови. Београд, 1983.
31. *Varišić S.* Katolička crkva u Srbiji i Beogradu // Religija i tolerancija. 2006. №6. С. 163—176.

Об авторе

Юрий Владимирович Костяшов — д-р ист. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ikostyashov@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9732-0187>

Yu. V. Kostyashov

**STRUGGLE OF THE SERBS IN AUSTRIA AGAINST
THE UNION WITH THE CATHOLIC CHURCH IN THE 18TH CENTURY**

63

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 9 April 2023

Accepted 20 April 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-6

To cite this article: Kostyashov Yu. V. 2023, Struggle of the Serbs in Austria against the union with the Catholic Church in the 18th century, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 53–63. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-6.

The author examines the position of the Serbian people and the Orthodox Church under Austrian rule since the end of the Holy League war with Turkey from the end of the 17th century to the era of Josephism. After having settled in Austria, the Serbs were exposed to the assimilation policy of the authorities, the main instrument of which was the union with the Roman Catholic Church imposed on the Serbs. The sources for the study were normative and administrative acts of authorities at various levels, decisions of the Serbian people's church councils, official and private correspondence, as well as previously unpublished diplomatic documents from the fund of the Russian embassy in Vienna. The article identifies the main directions of the state policy and the Roman Catholic Church towards the Serbs and analyzes Serbian response. It is concluded that the inhabitants of the cities greatly resisted the union while, while the Orthodox bishops showed a tendency to compromise with the authorities. In the struggle against the union, the Serbs tried to apply for the support of the largest Orthodox power. Russia, for its part, provided assistance to the Serbs, and its volume was largely determined by the position and personal views on the "Serbian issue" of the Russian ambassadors in Vienna. In conclusion, it is emphasized that thanks to the active position of the Serbian urban class and patronage from Russia, the Austrian Serbs managed to maintain their adherence to the faith of their ancestors and the independence of their church throughout the 18th century. This became the key to preserving their national and cultural identity in an alien, foreign environment.

Keywords: Austrian monarchy, Russia, Serbs, Orthodox Church, struggle against the union, Metropolis of Karlovci, 18th century

The author

Prof. Yury V. Kostyashov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: ikostyashov@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9732-0187>